

ловым дозвонились в Ульяновск, чтоб я вернулся. И за час до собрания отчетного все-таки переманили. Я подло обманул ульяновских вождей, вернулся сюда, а друзья мои, т.е. Коновалов с Шундиком, как в тополином пуху утонули – ни звука, ни движения – уже год. И смотрят так ангельски, ласково. Я оказался как в волчьем капкане.

Писать буду Герою соц. труда С. Михалкову, просить буду, чтобы вмешался, т.е. написал в обком (кстати, я с ним хорошо познакомился, прочитал стихи на вечере в Смоленске, которые ему так понравились, что он подманил меня к столу президиума и что-то говорил хорошее, но у меня в башке шумело – не расслышал).

Да ведь так неловко обращаться по пустякам. Ничего не поделаешь. Наши могикане в обкоме стоят в рост только на первом этаже, где инструкторы, на втором, где завья, они уже на коленях, а на третьем, где секретари, ползком ползут по коврам и себя не помнят, не только меня.

Бес с ними. Но – сволочи! – они отсосали от меня шесть лет, и все с дружеской улыбкой.

Обнимаю, Толя, и жду. Поклон Вале и ребятишкам твоим.

Твой Николай.

16.1.75

Благов – Жукову 16.01.1975

Дорогой Толя!

Роман твой мне обещают вот-вот принести. Говорят в нем много беспощадной правды. Сомневаются, можно ли напечатать. И я уже чую, что вещь, видимо, настоящая.

Прочитаю – напишу тебе. Есть у меня к тебе большущая просьба – выполнимая ли? В романе Г. Коновалова «Предел», который идет у вас, есть четверостишие из моего стихотворения:

Страшен дом мой – никаких гостей.

Дом забили, стекла похлытали.

Окна стали мертвыми крестами

С каплями запекшихся гвоздей.

Надо выбросить его. Стихотворение печаталось в двух моих московских книжках. А у Коновалова эти стихи сочиняет пастух, который автору, может быть, и кажется загадочным, но на самом деле он непроходимый дурак. Да и вообще – позволительно ли это – взять чьи-то стихи, уже опубликованные, и вложить в уста выдуманного героя, дурня к тому же?! Меня это крайне оскорбило. Пожалуйста, сделай все возможное, чтобы выбросить. В «Пределе» есть еще три или четыре моих рассказа, искалеченных, конечно, до предела. Ну и пусть – никто хоть не знает. Правда, тоже оскорбительно... Он у меня, спрашивал: «Эх, отдай мне!». Я сказал: «Нет, это слишком дорогое, это мое». И только частичка большого, чего никто не сумеет сказать правдиво, поскольку только мое, да к тому же вырвано из обычной правды и подключено к чему-то другому, все уже перекомбинировано. Но он не удержался-таки, втянул в бессмысленную свою белиберду, в потягоду старческую...

Толя, напиши мне, что и как, ладно?

Обнимаю и скучаю.

Твой Николай.

18.1.75

Жуков – Благову январь (?) 1975

Дорогой Коля!

С большой тревогой ждал я твоего ответа – знай, не простишь никому фальши, неправды, даже если она будет невольной, от заблуждения, которые случаются у порядочных людей.

Теперь эта тяжесть с души спала.

За Якова Мыггарина – вина моя, снисхождения не прошу. Я чувствовал тут не порядок, писал тебе месяца полтора назад, но полной уверенности не было. По замыслу (первоначальному) это его преступление вменялось в вину обществу – за то, что его изолировали, отлучили от его жизни, он одичал и, сильный, честный, высоконравственный, изменил своей природе.

Прав ты и относительно нравственного и философского самоанализа общества – именно на это и ориентировался, на продолжение самоанализа, на углубление и не понимаю сейчас, почему этого не произошло. То есть политические причины мне в общем ясны, но ведь есть еще множество не менее серьезных факторов. Обидно, что политика играет такую большую роль в нашей жизни. И что народ, в своей массе непричастный к политике, позволяет это.

В общем, не стоит, долгий это разговор, не для письма.

Извини, пожалуйста, что рукопись такая сырая да и экземпляр нечеткий. Я уж ругал себя потом, казался, да ведь очень уж хотелось показать – первая серьезная работа, заветные какие-то думы, которые передуманы в основном с тобой. За двадцать лет нашего знакомства у нас много было хороших встреч и ни одно пошлой, такой, которой мы могли бы стыдиться. Как-то везло, бог миловал. И ты, который направлял наши отношения, удерживал их что называется на высоком уровне. Если бы я тебя не знал, я не смог бы одолеть эту рукопись, не смог бы зачать ее. Тут много твоего, во всяком случае, при писании, закончив или начав главу я думал: а как посмотрит на это Николай, как он увидит этого Яку или Чернова – ты был камертоном, твой взгляд – эталоном истинности, художественности.

Да, много еще в ней лишнего, много поспешного, недостаточно выверенного, надо бы погуще, да живу все как-то на бегу, суетно, с позорным легкомыслием, неустроенно. Сейчас вот полгода уж хлопочу о квартире, Валя уехала с детьми в экспедицию, часто прихварываю, врач требует ложиться в клинику, худой опять стал, как старый заяц, а на службе нагрузка большая, а отказаться не могу, манкировать не умею. Ну, правда, посмотришь вокруг – другие живут не лучше, разве что меньше переживают, расстраиваются, да и то едва ли. Другим-то кажется, всегда легче, другим-то ведь и умирать легче.

И тебя часто не хватает. Шура меня часто ругала, пьяницами нас с тобой называла, но ведь она не понимала ни наших разговоров, ни того, что за этими разговорами была и настоящая тревога и живая боль.

Повидаться бы, посидеть рядом за столом, анекдоты вспомнить... И стихов я от тебя давно не слышал, хотя перечитываю часто – для равновесия душевного, для того, чтобы не растерять в себе человеческое, основное, самое крупное.

Стихи у тебя крупны, велики, даже ранние. Хоть вот это:

Тряхни вожжой,
 Заройся в плащ получше,
 Дыши в рубаху, обгоняя дрожь.
 Над тихой степью труженицы-тучи
 Сошлись и ходят, высевая дождь.
 Лежи и слушай, безответный, зряшный.
 И будь в телеге, как в жилом углу.
 Есть под плащом тепло травы вчерашней,
 Примешанное к твоему теплу.
 Дремли себе под легонькою крышей,
 Пусть булькает вода по колеям.
 Не до тебя растрепанным и рыжим,
 С понурыми колосьями полям.
 Немало дум в своей душе ты теплишь,
 Но для степей судьба твоя проста,
 Как та ветелка в белолистом пепле,
 Как птица с неуютного гнезда.
 Ты думай, что приехал. Весь паришься.
 И все – к тебе: – Ну как? Хотят узнать.
 Забудешься и так наговоришься
 <...>

Приедешь – будет нечего сказать.

Это стихотворение ты читал, помнится, еще в Мелекесе, когда был там собкором радио. Значит, двадцатилетней давности. А в нем – целый мир, большой мир, с человеком и природой, серьезный взгляд философа на него. Удивительно! Такого стихотворения ни у кого нет. Так мог подумать только Тютчев да Лермонтов («Три пальмы») да и то не так, а похоже и все же иначе. Почувствовать и осознать.

Много у тебя первоклассного. И связи с миром естественны, прочны, кровны. Тебя еще многие будут благодарить, очень многие. И долго.

Ну вот. Заговорил я тебя, наверно. То рассуждаю, то жалуюсь, то восторгаюсь. Надо закончить о деле.

Рукопись я потихоньку начал редактировать, возьму ее с собой в больницу и там на свободе постараюсь закончить – недели три будет спокойных. Если ты рецензию написал, вышли мне без промедления, соседи передадут. За счет сокращений и правки она уменьшится, станет компактней, какие-то ненужные острые углы я стешу, как ты советуешь, и, возможно, ее напечатают. Как-то не верится в это. Но если даже и не напечатают, закончить надо.

Мне лучше напечататься в «Волге» – по материалу я ваш полностью, а дома всегда лучше, роднее.

Кажется, пока все. Сердечный привет Ляле и желание ей здоровья. Спасибо тебе за хлопоты и беспокойство, какие причинаю.

Твой Анатолий.

Жуков – Благову осень (?) 1975

Дорогой Коля!

Радовался твоему письму и печалился. В самом деле, тяжелым было это лето для нас. А все винище проклятое. Попили мы его без меры, без удержу.. Прости, Господи, грешника. Ну, правда, и понять нас можно. Первый раз живем, наставлять было некому, своего опыта нет. Да и время какое-то всегда неустойчивое, все ждешь чего-то и живешь как на вокзале. Поесть надо – очередь, билет взять – очередь, на поезд сесть – очередь, и везде тебя толкают, поучают, ругают. И в поезде тоже. А куда едешь, неизвестно. Хотя из-

вестно, конечно. Пока я лежал в двух больницах, народу помирало полно. Один у нас болей не выдержал, повесился, женщина выкинулась с 6-го этажа, после операций умирали чуть не каждый день. Утром из палаты выползешь, а по коридору шумит каталка с белым свертком.

Сейчас я в санатории в Дорохово – это рядом с Малеевкой, в двух часах езды от Москвы. Кругом лес, тишина, речка рядом. Вчера пошел с удочкой, две щуки поймал. Не знаю, зачем. Кормят здесь хорошо, пусть бы плавали, жили, а теперь в холодильнике лежат.

Пробую я тут потихоньку работать, но успехов не достиг. Время уходит на разные процедуры, разрывается, остаются окна в полтора-два часа – только сядешь, разогреешься, а тебе надо идти на ванны, озокерит или еще куда! Да и устаешь быстро. Тебе тоже надо бы в хороший санаторий съездить. Второго-то сердца нет, отрезать нечего. Мед ешь больше. Говорят, он укрепляет сердечную мышцу. И на воздухе бывай побольше. Жалко вот, удить ты не привадишься – занятие спокойное, забавное и всегда на природе. Не прислать ли тебе зимнюю удочку? С набором блесен, крючков, мормышек. Здесь мужики ездят на рыбалку за 400 – 600 км, а на ближних водохранилищах каждый выходной народу тьма. Ну, правда, ты еще не дед, а меня уж внук за нос таскал. И лепечет «деда», «деда». Удивительно. Вроде и не жил еще как следует, а уже дед.

Замечаний по рукописи мне навтыкали много. И длиннот там порядочно, повторов. Службу бы бросить да написать годика два на свободе, но разве бросишь с семьей. И на пенсию рано, хотя в трудовой книжке уже 30 лет трудового стажа.

С Викуловым я говорил всего один раз – он звал меня три года назад заведовать прозой. Рукопись я показывал его заместителю Альберту Богданову, но сказал, что такую мы не поднимем, надо писать о современности. А что о современности напишешь. То, что я думаю, выйдет еще мрачнее, чем в предыдущей рукописи. Дал им повестушку, тот же Богданов сказал – ты националист, шовинизмом попахивает, давай что-нибудь попроще, а повестушка была предельно простая – еврей, цыган и русский идут осенними лесами 41-го года на восток, спасаясь от немцев.

Ну, бог с ней, повестушка и впрямь не согласуется с чем-то. Просто хотелось сказать, что национальный вопрос сложен и зависит не только от идеологии, во всех наших республиках проявляются тенденции к национализму и это надо иметь в виду.

Отдал я тогда Богданову рассказ, совсем уж простенький, пустяшный. Вот теперь говорит, что надо, хороший, пойду в 10-м номере. И, правда, набрали.

Словом, и они довольно осторожно, к тому же на носу очередной съезд партии, предсъездовские материалы готовят.

Письмом своим ты меня здорово поддержал, окрылил. А то временами совсем падаешь духом, особенно когда работа не ладится, чувствуешь себя ничемным, ненужным, одиноким. Вроде бы последнее ничтожество на земле. И нет никакой веры, никакой уверенности в себе. Да и время еще какое-то безличное, глухое. Никому ничего не нужно, всем все равно, каждый сам себе, и чувствуешь, как медленно погру-

жаешься в болото обыденщины. Черт знает что такое.

И вот по возвращении из санатория надо выходить на службу – опять читать по 100-120 печ. листов ежемесячно разных писаний, давать на них заключения, и все это серьезно, главный редактор Карпова говорит, что мы отвечаем за русскую литературу. Это и видно. По самой литературе. За семь лет работы я прочитал сотни рукописей, а понравилась всего одна – о Чингизхане, выйдет в 77 году. Автор – некий Исай Калашников, не то бурят, не то монгол обрусевший. Рукопись серьезна и крупна, показано формирование государственности монголов, рост их национального самосознания, возникновение их тяги к вождизму, истоки его. Роман состоит из двух книг, название первой – «Гонимые», назв. второй – «Гонители». Очень все трезво, серьезно масштабно. И Чингизхан показан талантливым, умным, сознающим пагубу обожествления своей личности. Словом, это новая, совершенно оригинальная трактовка монгольской темы, известной нам по роману Яна «Чингизхан», где образ великого монгола сделан под Гитлера.

Разговорился я что-то, будто ты рядом. Встретиться бы скорее, а то уж мы отвыкли друг от дружки. Передавай привет Ляле и Волге. Будь здоров и, пожалуйста, береги себя. Умирать раньше своего времени грех непростительный. Обнимаю.

Твой Анатолий.

Жуков – Благову 8.09.1975

Дорогой Николай!

Так я и не дождался твоей рецензии. Может, ты рассердился на что? Я не удивлюсь, потому что последнее письмо тебе, помнится, было сумбурным (может, от нездоровья), путанным, бестолковым. Хотел исправиться, да помешала беда – все лето пролежал в больнице.

Сегодня звонил, да неудачно, Панов сказал – ты на обеде. После часа дня тебя тоже не было, поговорил с Борисом Дедюхиным.

Очень хотелось бы знать твои замечания по рукописи. Сейчас я в отпуске и сижу дома над ней, правлю по советам рецензентов и редактора, но есть неуверенность, да и советы порой спорны, противоречивы, неудовлетворительны.

Ты, вероятно, оставил какие-то следы чтения на полях. Пометки, они бы мне пригодились. Скажи там, пусть вышлют рукопись, по возможности не задерживая. Если же пометок ты не делал, то высылать не надо, она мне не нужна.

Как ты живешь? Как здоровье? Я чуть не умер после операции, еле выкарабкался. Спасибо четырем московским бабам – донорам, на их крови ожил. Не знаю, надолго ли. Физическое состояние пока посредственное, опасность рецидива, по словам врача удвоилась.

Береги себя. Когда я впервые после полутора месяцев вышел на улицу, радовался каждой травинке, каждому листочку в больничном сквере. И такой красивой показалась земля, такой дорогой, бесценной – жизнь, что дышать, ходить, видеть, ощущать окружающее было наслаждением.

Будь здоров, поклон Ляле.
Обнимаю, Анатолий.

Благов – Жукову 21.09.1975

Дорогой Толя!

Видно, это лето было не нашим. И мне оно будет памятным. Вместо работы – ездил по больницам. Так прихватило сердце, что я, сроду не хворавший всерьез, думал, что не выкарабкаюсь. Сидел в больницах, то в Городищах, то в Ульяновске, полмесяца лежал пластом. Определили врачи, как вспышку, что ли, хронической коронарной недостаточности – дышать нечем. Приехал сюда на одном юморе. Да вот прочитал все энциклопедии и понял, что врачи не от того меня лечили. И нес ними, сейчас опять начал выфуливать на прежнюю стезю, но на водку наложен полный запрет под страхом смерти, входящей без стука, на табак – тоже, под страхом неумолимо наступающей старухи. От дурацкого упрямства и прогулял и продымил неделю – вправду чуть было не отлучился от жизни-то.

О твоей операции узнал только здесь. От Винниковой – сначала. А по твоему письму, которое мне в Городищи переслали, я понял, что ты едешь просто малость подремонтироваться и отдохнуть. Тебя и совсем надо держать себя строго. Помнишь ли ты Бейсова, ульяновского литературоведа. У него такая операция была в 46 году, и врачи посулили ему только пять лет; тогда еще только начинали делать такие операции. Но он – вот уж седьмой десяток ему – живет – и весело – в виду – с одной почкой. Это тридцать лет. Сколько помню – все время он хрустел яблоками, вина, конечно, ни-ни, таблетки глотал прямо на лекциях, а вот сейчас даже коньяк потягивает изредка, но по довольно утешительной дозе. И рыбачит, и на молодых кандидаток поглядывает. Но и бережется, видно, умеючи. Воля у него – на двух Бисмарков хватит. Рассказывал какую-то легенду, когда хирург в госпитале фронтовом ногу ему отпиливал без всяких обезболивающих средств.

Говорит, самое главное – не застудиться и не отступить от диеты, особенно в первые годы. Ты научись себя беречь – это целое искусство. Тебе еще много надо написать, потому что, я вижу, ты много знаешь такого, чего никто не знает и никогда уж не будет знать, то есть все понимаешь на свой лад.

Очень скучаю о тебе, надеюсь, что увидимся к концу года, мне надо будет туда приехать.

Рецензию не стал писать: понял, что она не требуется: Борька такой сделал вывод, что она мне нужна для того только, чтобы подзаработать на отпуск. Сам я (сам!) прочитал роман, а Шундику пока не давал, говорил, что в рукописи есть места, которые отпугнут его.

Особенно насторожат все экскурсии в культурное (?) прошлое. Наверное, в этом опасении есть смысл. Журнал делается по разумению редактора и чувствуется, он всерьез доволен своим нелегким детищем.

Я сказал нашим свое мнение о романе – самое положительное и высокое. Борис надеется, что к концу года ты пришьлешь рукопись, которая пойдет!

Ты уже работаешь с издательством и специально для «Волги» приспособливаться не нужно. Может быть, надо убрать особенно острые куски, чтобы не дразнить олухов.

Замечаний на романе я не оставлял. Кое-какие длинноты ты видишь сам, я уверен. Язык же чистый и сильный. На мой вкус – так надо печатать его целиком (сомнительно только, т.е. не подготовлена сцена насилия дочери – тут надо работать либо на уровне гения, подчинив всю вещь этому, как центру тяжести, либо убрать сцену и сделать потом из нее самостоятельную чисто психологическую вещь с мощным динамитным подтекстом. Смотри – может я и не прав).

А в каких ты отношениях с Викуловым? Он ведь ныне лучший редактор и за мужика болеет не показно. Показал бы ты ему свою вещь – он не останется, мне кажется, равнодушным. А «Волга» осталась бы – на худой конец. «Наши современники» – это сразу главная улица. А роман твой совпадает с главным руслом этого журнала.

Как бы хотелось потолковать с тобой вблизи! Пугающая пустота вокруг и холод, скука и корысть. Сытое прозябание. Видимость жизни. Опустевшие скворечники чувствуют себя высококачественными деятелями.

Извини, что задержался с ответом: не то, что нестерпимо хворь меня ломала, а ничего в душе не было, кроме какой-то зябкой усталости и сумеречной настороженности. Слава богу – кажется, опять небо увидел.

Вздоравливай <...>. Крепко обнимаю тебя и верю во все хорошее – пиши, что, как.

Жду, твой Николай.

21.IX.75

Жуков – Благову 17.02.76

Дорогой Коля!

Я тут опять приболел, на болезнь наложились заботы по переезду на новую квартиру (получил наконец трехкомнатную) и поэтому с ответом задержался. Извини.

Псылаю карточки – получились не ахти, искусственное освещение, но поглядишь. На двух снимках, по-моему, у тебя славное выражение, да и на других подпись делать не надо, лицо у тебя характерное, не спутаешь с Романовским, который присоединился и выглядывает из-за тебя, как лазутчик.

Рукопись я вышлю, вероятно, в конце месяца – надо там кой-что выкинуть и кое-что поправить. Я уж наметил, да вот сил не хватает и времени. К тому же морозы стоят старорежимные, как при Сталине, и в новой квартире холод собачий – 10 градусов, никак не согревается.

Как твое здоровье? Как работается? Близка ли к завершению поэма? Очень хочется ее увидеть поскорее. Хорошие кусочки прочитал тогда, раздражил аппетит. Может, к весне порадуешь? К прилету грачей? Или жаворонков.

Будь здоров и весел. Поклон Ляле.

Обнимаю, Анатолий.

17/II.76 г.

Благов – Жукову 09.05.1976

Дорогой Толя!

Роман пришел. Борис дал его читать Григорию Боровикову. Этот мужик, мне кажется, самый лучший для тебя рецензент в Саратове. До этого читал критик молодой Машовец, написал рецензию очень бестолковую, приспособленческую – ни тпру, ни ну – что-то аморфное, то хвалит, то хает, а главное, что можно почерпнуть из его словес – не знает он той жизни и привык расставлять вещи по уже готовым гнездам.

Сам Борька говорит, что будет воевать за роман. Через короткое время все прояснится. Я буду, если понадобится, отстаивать до скандала. Но может, все будет хорошо. Редактор сейчас Палькин... Еще не знаю, как он поведет себя. Но скоро все проявится.

Дай то бог, чтобы роман пошел. Новому редактору он – карты в руки. С него можно прорывать русло.

Я все думаю перебираться в Ульяновск. Мать пишет – плачет. Мишка там с женой. Написал письмо Скочилову. Вести вроде добрые. 11-го поеду туда на две недели – вроде бы в творческую командировку. Надо, судя по всему, туда. Как волка не корми, а у осла ... больше. Конечно и там известная калифорния, но хоть вся семья будет вместе. Здесь обещают в июне дать еще 2-х комнатную квартиру, но уж так обрыдло, такая глухая рутина, засилье прохиндеев, молодецких пенсионеров с хунвейбиновским румянцем, что спасу нет.

Гонорар вроде бы вот-вот пришьют – к переезду бы и долги погасить. Ты уже не ругай меня грешного. Пишу мало, все чего-то жду. Злой. Гулял много, по-молодому, с шумным камышом. Слава богу – ныне ни-ни.

Вздоравливай, Толя, понадежней. Что сейчас хорохориться – надо подчинить себя режиму медицинскому. Бейсов вон около 30 лет без почки, а сейчас в 70 лет здоров, как першерон.

Ваша нафтуси, говорит, душу воротит, душу воротит, от отдыхающих трактористами пахнет, ну ведь лучше водки все равно. И в вытрезвитель не попадешь, и с тобольским не подерешься.

Обнимаю тебя, Коля! Здоровья тебе! Твой К.Б.

9.V.76

Жуков – Благову 8.07.76

Дорогой Коля!

Сегодня звонил в Саратов, но тебя не застал – сказали, что в командировке в Ульяновске. Значит, ты занят делами с переездом.

Поговорил с Б. Дедюхиным. Видимо, дела с моей рукописью обстоят плохо. Ш. написал отрицательную рецензию, Палькин читать не собирается, Борис говорил со мной виноватым тоном и просил не обижаться. Вот думаю написать письмо Палькину и сослаться на то, что рукопись читали три члена редколлегии – ты, Боровиков, Дедюхин. Да и Васильев, завпрозой, читал, кажется.

Жалко. Столько времени потрачено на хлопоты, нервов, ожиданий. И почему мнение газетчика оказывается решающим? Значит, ты ошибся, когда давал ему хорошую аттестацию.